

Николаевская Елена
Матвеевна.

05.02.06.

ПАМЯТЬ

Новая газ. - 2006. - 2 - 5 февр. - с. 22.

Она осталась Леночкой. И Марфой

Елена Матвеевна... Елена... Да какое там! Леночка — называли ее все мне известные, это в ее-то восемьдесят.

Или — Марфа, это уж моя прихоть. Во всяком случае, ей я говорил, что именно так назвал бы ее последнюю книгу. «Слышу голос я твой за порогом — // Будто вдруг снизошла благодать: // Марфа, Марфа — печешься о многом, // Не довольно ль тебе хлопотать?».

Евангелие. Притча о Марии, которая села у ног Христа, дабы внимать Ему, в то время как сестра Марфа слишком (?) занялась бытом.

Я спрашивал Леночку, имела ли она в виду озорной апокриф Карела Чапека, где Марфа как раз жалуется на то, что Он предпочел ей боговдохновенную «Марку», а ей, Марфе, пришло в голову и в сердце прежде всего напоить и накормить усталого путника. Печься о Нем.

Нет, сказала Леночка, не имела. И правильно. Тут не парадоксализм, а именно быт, жизнь, принимаемая как счастье и долг. «Только правды житейской не спрятать: // Кто-то должен без всяких затей // Мыть, и чистить, и штопать, и стряпать, // Гостя потчевать, нянчить детей...».

Наверное, кто-то, провожая поэта Елену Николаевскую и стараясь соблюсти иерархический политез, скажет: вот, мол, от нас ушел поэт негромкого, тихого, но зато чистого голоса... Чистого — да! Но что значит — тихого? Что ли, не-

пременно нужно орать? Не нужно. Достаточно внятно выговаривать слова, необходимые для того, чтобы человек — по возможности — не переставал быть человеком. Надеюсь на то, что не перестанет...

Леночка, прощай. И прости — хотя бы за то, что я удосужился написать о тебе все это только сейчас.

● Станислав РАССАДИН,
обозреватель «Новой»